

Незабываемое

Осенью 1941 года мало осталось в Москве театров. Они были либо эвакуированы, либо расформированы.

Я работал тогда в Московском областном драматическом театре имени А. Н. Островского. В эти грозные дни мы играли каждый день, без выходных. Спектакли зачастую продолжались не два с половиной три часа, как в мирное время, а четыре-пять и более, потому что они прерывались воздушными тревогами. Люди уходили в метро, в бомбоубежища и снова возвращались в театр, чтобы досмотреть пьесу, узнать дальнейшую судьбу героев. Мы обычно оставались за кулисами и не разгримировывались, ожидая конца тревоги. Однажды играли в Доме культуры железнодорожников на Комсомольской площади. Начали в 4 часа дня, а закончили около 12 ночи: были три воздушные тревоги.

И, несмотря на то, что приходилось порой играть под грохот канонады, люди шли в театр, и даже на самый рядовой спектакль не хватало билетов. Лучше всего смотрелись веселые, жизнеутверждающие пьесы, потому что люди жадно тянулись к миру, к жизни, к спокойному созидательному труду.

Вскоре фашисты сделали atrocities от Москвы. Наш театр стал обслуживать отдыхающие и пришедшие на перформирование части. Когда взята была Нара, мы выеха-

ли на станцию Кубинка, где стояла дивизия под командованием генерал-майора А. П. Белобородова. Здесь в березовом лесу, на наскоро сколоченной сцене, мы должны были играть пьесу Массе и Куличенко «Сады цветут».

Еще лежал снег, была весна. Гримировались мы в крошечной дощатой боковушке возле сцены. Было, мягко говоря, не жарко. Но бойцы хорошо приняли спектакль, и мы вместе с ними забыли о холоде, о том, что еще много трудных дорог впереди.

Нам долго аплодировали, но вот генерал поднял руку. Стало тихо. Перспектива длинной речи нас не порадовала: бойцы были в полубоках, а мы в легоньких костюмах по ходу пьесы. Но генерал был краток:

— Кормить за счет дивизии, — сказал он.

И хотя нас было 38 человек, расторопный повар, москвич, любитель театра, за каких-нибудь 15 минут соорудил блины со сметаной. А за это время поляну заполнила следующая партия зрителей и мы тут же почти без передышки сыграли еще два спектакля.

Осенью 1942 года мы встретились с А. П. Белобородовым еще раз где-то возле Вербилков Московской области. Его дивизия стояла на перформировании. Здесь мы собирались показать весь свой репертуар из 8 пьес, но успели сы-

грать только 4 — дивизия снялась и ушла защищать Сталинград. А недавно, проходя мимо кинотеатра «Победа» в Калининграде, я обратил внимание на надпись: «В этом районе города 8 апреля 1945 года войска генерал-полковника Галицкого К. Н., наступавшие с юга, соединились с войсками генерал-лейтенанта Белобородова А. П., наступавшими с северо-запада, и завершили окружение кенигсбергской группировки немецких войск».

Значит, встретились еще раз заочно. Теперь все это стало воспоминанием. Человеческая память как-то лучше хранит хорошее: не забыть чистоту и крепость фронтовой дружбы, беззаветную смелость боевых товарищей, способность поделиться последним куском хлеба и щепоткой махорки, святую веру в победу. Порой кажется, что было только это. Но было и другое. Не забыть пережитого горя. Не забыть потерянных родных и друзей. Не забыть, как однажды, выйдя из театра по тревоге, мы увидели трупы людей, которые только что сидели в зале и смотрели пьесу...

С первого дня войны советские люди жаждали мира. Вся кровь, которую пришлось пролить, все жертвы, которые пришлось принести, — все это было во имя мира. И сейчас надо сделать все, чтобы ужасы войны не повторились.

П. МАЛЬЦЕВ,
заслуженный артист РСФСР.

КАЛИНИНГРАДСКАЯ ПРАВДА

г. Калининград

23 ИЮН 1961